

Он взлетел над родным городом и ушёл на войну...

В предвоенные годы молодёжь нашей страны была охвачена романтическим порывом – покорением пятого океана. Парни и девушки стремились в небо – будто потребность летать у них, как у птиц, была врождённой. В городских парках работали парашютные вышки, с которых желающие могли совершить свой первый прыжок и проверить себя на смелость.

Многие молодые люди с Булыгинской заимки в Барнауле записались в аэроклуб. На полёты летом ходили напрямую через ленточный бор большой и дружной компанией, брали с собой и младших по возрасту братьев и сестёр, которые порой, устав от длительной ходьбы, опускались под сосны отдохнуть и даже на свежем воздухе засыпали. Но самый старший, Александр Сельцов, уже несколько раз совершавший полёты с инструктором и даже летавший самостоятельно, начинал будить, повторяя: «Опаздывать нельзя. Дисциплина – прежде всего».

Пришедшая поглазеть за полётами молодёжь устраивалась на газоне где-нибудь невдалеке от ангаров. В тот день ближе к полудню было объявлено постро-

ение. После него Александр пошёл к беззаботно расположившимся на траве булыгинским мальчишкам, среди которых был и его младший брат Григорий, и взволнованно сообщил: «Война!»

После обеда 22 июня 1941 года Григорий Сельцов уже был в крайвоенкомате, куда кроме него пришли все парни его при-

зывного возраста, проживающие на улице Краевой. На сборы им дали три дня. 25 июня их эшелон отправлялся в Томск на учёбу в пулемётное училище. Его брат Александр, несмотря на начавшуюся войну, продолжал занятия в аэроклубе до особого распоряжения. Он решил на прощание совершить полёт вместе с Григо-

рием. Спросив разрешения у начальника аэроклуба и получив добро, братья радостно побежали к «По-2». Запустив мотор и набрав необходимые обороты, вырулили на взлётную полосу аэродрома. Всё более и более набирая скорость, самолёт плавно оторвался от земли. И вот уже братья остались одни в огромном небе.

Александр, пилотируя самолёт, взял максимально возможную окружность для облёта: прошли над Булыгинской заимкой – почти над самым отчим домом – и слегка качнули крыльями стоявшим во дворе людям, знавшим про их полёт; над родной речкой Барнаулкой; центральной частью города... Из своей кабины Григорий хорошо видел Старый базар, Демидовскую площадь, величественную полноводную Обь, железнодорожный вокзал. После благополучной посадки лётчик-инструктор сначала хотел отчитать молодого курсанта за столь продолжительный полёт, но, увидев счастливо-грустные глаза братьев, отошёл от них. Александр тепло обнял Григория, ощутившего всей душой, какое это счастье – летать! Тихо сказал: «Глаза сухие – сердце плачет».

Тяжёлое положение наших войск под Москвой не позволило курсантам окончить военное училище. Для спасения сердца нашей Родины – Москвы – их бросили в бой почти с колёс, из вагонов прибывающих на передовую военных эшелонов с сибирскими резервами.

Григорий, мечтавший летать, погиб в первом бою за свою Родину, за Москву.

Эту трагичную и, увы, типичную для того времени историю рассказал Владимир Сельцов. Он также принёс в редакцию «АП» письма Григория Сельцова, его дяди. Письма, трудовая книжка с последней записью «отозван военкоматом», похоронка и фотографии павшего в своём первом бою молодого солдата бережно хранятся в семейном архиве.

Александр Сельцов в годы войны готовил к полётам в прифронтовой полосе американские истребители – «Аэрокобры».

Из писем Григория Сельцова

«3.8.1941 г.

Здравствуй, папа, мама, Шура, Федя, Лёня, Липа, Валечка, Мамочка, Лёля и Ниночка.

Папа, письмо, которое писал Шура, я его получил. Сегодня 3.8.41 г., я опять в наряде дневальным по роте. Сейчас вымыли пол.

Папа, живу пока ничего, а об учёбе писать не буду – не велят. В комсоставском магазине были огурцы свежие по 4 р. кг, я купил 2 кг и за раз съел. А 1.8.41 г. ходил я в наряд в Томск I на станцию, в буфете продавали кислицу по 3 р. 20 коп. и смородину по 4 р. кг – тоже ел. Насчёт продуктов я сам не знаю, потому что в город не отпускают. Папа, если посылку ещё не послали, то бритву и сапожную щётку не нужно, а если можно, то купите целлулоидный воротничок, а то матерчатые каждый день стираешь и приходишь, а время нет, если можно достать, то постарайтесь. Жить, папа, мне очень здесь скучно. Денег скоплю и пошлю переводом, когда будут отпускать в город.

Писать пока больше нечего, пока ещё жив (...)

3.8.41.»

***

«Томск 1.9.41 г.

Здравствуй, дорогой и любимый брат Шура! Шлю я тебе горячий свой курсантский привет, какой только может послать пехотинец.

Саша, письмо я ваше получил, за что очень и очень благодарю. Шура, я сегодня получил перевод 35 р., за что также благодарю, на которые хоть побольше поем моркови и помидоров и ещё кое-что. (...) нас выпускают – начиная с ноября и кончая январём, но едва ли кого в январе будут выпускать, а раньше. Да, Шура, видно, нам с тобой боль-

ше никогда не видаться, этот заклятый психопат разъединил нашу дружную жизнь. Да, Шура, наверно, мы с тобой расстались на веки. С папой и мамой и с другими членами нашей семьи кто-нибудь да увидится, но мы с тобой нет, кого-нибудь из нас обязательно не будет. Шура, сегодня мы проходили газовую камеру. Я опишу её подробно, как проходила: газовая камера была наполнена жидким веществом хлоршекрином, который действует на глаза.

Так заходили мы в своих исправных противогазах в эту камеру и там снимали свои противогазы и берём там исправные противогазы и быстро их надеваем и находим, где есть неисправность, и как её нашли и как ей пользоваться или, вернее, как пользоваться неисправным противогазом. И так делали два раза. После этого опять заходили в своих противогазах и быстро их снимаем и стоим без противогаза, дыша сколько кто может, я, например, выдержал и простоял 1 минуту, некоторые ребята стояли по 2,5 минуты. Шура, в письме было написано, что хочешь ко мне приехать мама, конечно, приехать можно, но только квартиры здесь не будет, а только на частную квартиру, и пусть берёт себе продуктов на дорогу, а то здесь насчёт хлеба очень плохо. Если мама поедет сюда, то пускай возьмёт мне тёплые носки и состыжит маечку длиной примерно до пояса и тёплые рукавицы, а после окончания я пошлю это всё обратно. Нам всё это не будут давать, а что было в училище зимней одежды, на зиму её всю отравили на фронт. Сейчас здесь очень холодно, ноги, руки и весь сам очень мёрзнешь. Шура, сейчас у нас история партии, и я на

этом уроке решил написать письмо. Писать больше нечего, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Передавай привет всем и всей братве и девчонкам, а также нашей семье.

Пока, брат Шура, жму крепко-крепко руку и желаю больших успехов в твоей пилотской учёбе. Пока до свидания, жду ответа».

***

«Томск. 19.9.41 г.

Здравствуй, дорогой брат Шура. Шура, про свою жизнь писать, конечно, нечего, моя жизнь, сам знаешь, какая жизнь пехотинца. Шура, здесь также есть аэроклуб. Аэродром рядом с нами,

а я как увижу самолёты, то вспоминаю про вас, какой ты счастливый, так же как идём куда-нибудь и поём песню и доходим до слов: «Штурмовые ночи Спасска – Волочаевские дни», – и опять вспоминаю очень приятные дни, когда мы выпивали у Н. Пономаренко, да в общем целый день я думаю про Булыгину. Шура, как уже вам известно, что в январе-месяце я еду на фронт драться с кровавым фашизмом. Шура, пиши письма, чаще и особенно про Булыгину и напиши про Сергея и про Илью, что слышал про с. (...) Шура, передавай всем привет. Писал, очень торопился, написал за 5 минут. Пока, Шура. Жду ответа».

***

«Здравствуй, папа, мама, а также братья и сёстры: Шура, Федя, Лёня, Липа, Валя, Мамочка».

Папа, письмо я ваше получил, но отписать сразу не мог – время не было. Папа, вы пишете, чтобы я выслал вам справку, но её уже выслало училище, не знаю, почему она не пришла. Стипендию нам дают по 27 р. 67 копеек, а остальные высчитывают, так что этих денег не хватит да и ими делать здесь нечего, верно, когда пойдёшь в баню, то купишь огурцов, или орех, или ещё что-нибудь. Живу, папа, я пока ещё ничего. Не знаю, как будет дальше. (...)

Пока 19.9.41.»

Перед отправкой на фронт к Сельцову смогла приехать мама, и он с ней передал домой письмо, не проверенное цензурой.

«Здравствуй, папа, Шура, Федя, Лёня, Липа, Валечка и мамочка».

Папа, я пишу это письмо и пошлю его с мамой. Папа, пишу я письмо со слезами, так как нам больше не видаться. На днях нас выпустят, не сегодня – завтра мы поедим рядовыми красноармейцами, а не командирами. Нас, папа, здесь почти с голоду морили. Папа, сейчас мы сдаем всё и едем не знаю куда – ну это на фронт. Папа, если меня убьют, то помолитесь Богу за меня грешного и не забывайте, а может, Бог даст ещё мне жизни и оставит меня в живых, то и я не забуду о вас. Папа, я сейчас пишу и не могу сдержаться как не заплакать, был бы я один, я бы оплакал все. Вот, папа, вы кормили вы нас как птичек, и они стали больше и стали уже летать, и в один день они все улетели и оставили отца с матерью.

Папа, я маме не могу даже слово сказать, потому что если начну говорить и распришавать о вас, то сразу льются слёзы.

Милый папочка, одно у меня слово только – не забывайте меня и...»

***

«Здравствуй, дорогой брат Шура! Шура, напишу я вам, как мы доехали. Ну до-

ехали мы ничего. Ехали 8 суток через Новосибирск, Омск, Петропавловск, Курган, Свердловск и живём сейчас в 35 км от Москвы, в деревне, ходим на занятия. Шура, пиши, как вы учитесь и как живёте. Живём в тылу. Шура, адрес мой:

Полевая почтовая станция № 1600, 3-й стрелковый батальон, пулемётная рота.

Передай, Шура, всем привет, всей братве. Писать пока что нечего. Жив, здоров, того и вам желаю.

24.12.41 г.»

А вскоре пришло письмо, которое написал его фронтовой товарищ 5 января 1942 года.

«Здравствуй, дядя Коля, тётя, Саша и остальные ребята».

Пишет вам письмо Гринькин друг Туголуков Петр. Сообщаю вам о том, что я с Гришей находился всё время в боях с фашистскими извергами. Но настал тот час, что мой друг Гриша погиб от фашистской пули. По окончании боя, т.е. после взятия одной деревни, мы Гриньку схоронили. А сейчас я пишу вам свой красноармейский привет. Если вы получите моё письмо, то пишите мне ответ. Саша, вспомню, как мы гуляли в Барнауле, правда, Саша, жалко мне Гриньку, но ничего не поделаешь.

Писал вам письмо Туголуков Петр о гибели Сельцова Григория Николаевича».

Подготовил Константин СОМОВ.